

**ТОТАЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СХОЛАСТИКИ:
УЧЕНИЕ О МИРЕ В ФИЛОСОФИИ
НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО**

Связь, установленная интеллектуальным усилием поколений между положениями христианской веры, учениями последователей Аристотеля и теоретическими системами неоплатонизма, была настолько сильной, что представляется невозможным для одного мыслителя, как бы ни был он оригинален, преодолеть предшествующее наследие традиционного мышления и миропонимания. Великие схоластические построения прошлого дали теологической и философской мысли не только содержание, но также и форму, сотворили тот единственный и особенный язык, посредством которого могла быть выражена сама мысль. Будучи воспитан в лоне традиций высокой схоластики, Николай Кузанский сталкивается с весьма трудной задачей: как в пределах схоластической терминологии выразить мысль, которая в своем действительном содержании преодолевала бы границы схоластики и господствующий теолого-философский концептуальный язык. Духовные сущности по-прежнему остаются недостижимыми в себе: их нельзя постигнуть, кроме как в чувственном образе, символе, т. е. можно по крайней мере представить, что чувственный образ, символ не таит в себе ничего неясного и сомнительного, ибо путь к неопределенности может вести только через определенность. Поэтому Николай Кузанский, безусловно наследуя традиции средневекового символизма, говорит о том, что мир символов — не только специфический атрибут человека: этот мир полностью ему подвластен, из чего следует, что человек свободен в обращении с ним. «Как Бог — творец реальных сущностей и природных форм, так человек — творец мысленных сущностей и форм искусства, которые суть подобия его интеллекта, как творения Бога — подобия Божественного интеллекта»¹. Кузанец использует мир символов, где божественное становится постижимым не только чувствами с их полнотой и силой, но также интеллектом с его точностью и определенностью. Соответственно характер отношения между миром и Богом, между конечным и бесконечным подвергается тотальному преобразованию.

¹ *Николай Кузанский*. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 99.

© Ю. Е. Смагин, 2005

Для символично-мистического мышления любая точка в бытии может служить начальной, отправной точкой в отношениях между миром и Богом, конечным и бесконечным, ибо в любой индивидуальной вещи существует божественное начало, которое раскрывает себя в отраженном великолепии конечного. Николай Кузанский вкладывает в это понимание новое и универсальное содержание, т. е. природа (бытийный мир) — не только отражение Божественного бытия и Божественной силы, но скорее Книга, собственноручно начертанная Богом. Поэтому ни субъективное, ни мистическое чувство недостаточны для того, чтобы осмыслить и понять значение этой Книги природы; а посему она должна быть исследована и расшифрована буквально: слово в слово, буква к букве. Сам мир уже больше не может оставаться Божественным «киероглифом», священным знаком; наоборот, этот знак необходимо должен быть подвергнут самому тщательному анализу и толкованию.

Философия Николая Кузанского зиждется на едином принципе «ученого незнания», и все его последующие философские построения представляют собой развертывание данного первопринципа, который мыслитель блестяще развивает в своей основной работе «Об ученом познании». Принцип «ученого незнания» — это новая фундаментальная истина, рожденная не из изощренных силлогистических доказательств, а как внезапное видение, охватившее философа всей силой великой интуиции. Можно обратиться к мысли Кузанца об антитезе *complicatio* — *explicatio*, используемой им для того, чтобы показать отношение Бога к миру и мира к человеческой природе. Основная проблема философии Николая из Кузы — проблема соотношения Бога и мира. Но, казалось бы, старая, геоцентрическая проблематика представляет у Кузанца явление новое и совершенно чуждое всей предшествующей традиции средневекового католического богословия. Тем не менее философ еще тесно связан узами средневековой традиции и поэтому постоянно обращается к наследию средневекового мистицизма (Мейстер Экхарт, Псевдо-Дιονисий)², где наиболее важно, в особенности для христианства, понятие/представление о дифференцированном космосе: мир разделяется на низший и высший, чувственный и интеллигибельный миры. Названные миры не только противоположны друг другу, их сущность заключается в совершенном взаимоотрицании, полярной антитезе. В этой пропасти отрицания ширится духовная

² См.: *Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения*. М., 1991. С. 68–77, 136–144.

связь между двумя этими мирами. От одного полюса к другому ведет путь медитации. Бесконечное переходит в конечное по этому пути, а конечное таким же образом возвращается в бесконечное. В такой концепции существует «между», которое соединяет: имеется всегда разделенная среда, которую невозможно преодолеть, ее необходимо постепенно перейти в строго упорядоченной последовательности. Ниспадающая вертикаль, ведущая от небесного к земному и опять к небесному, изображается у Псевдо-Дионисия. Между Богом и человеком существует мир чистых интеллигенций и Божественных сил. Таким образом, все бытие происходит от Бога в определенных степенях радиаций, только чтобы вновь влиться в Него и воссоздаться в Нем. Поскольку все радиусы круга исходят от Его центра, Бог есть начало и конец всех вещей. Так как эти радиусы становятся ближе друг к другу, чем ближе они к центру, слияние сущностей преобладает над их разделением, чем менее они отдалены от общего центра, источника всего бытия и жизни. Средневековый церковный порядок представляет собой репродукцию духовно-космического порядка, где институт церкви отражает небесную божественную иерархию.

Николай Кузанский не подвергает критике данное представление, однако рациональному обоснованию теологических истин и схоластическому знанию о мире и Боге он противопоставляет принцип «ученого незнания». В этой концепции оформляется новая интеллектуальная ориентация. Здесь отправной точкой также служит противоположность между бытием абсолютным и бытием эмпирически обусловленным, т. е. между бытием бесконечного и бытием конечного. Но теперь эта противоположность не является сугубо догматически постулированной, более того — ее необходимо понимать как первооснову и осознавать в условиях человеческого познания. Кузанец задает вопрос не о Боге, а о возможности познания Бога. Ответы, прежде даваемые на этот фундаментальный вопрос теологией и философией, больше не удовлетворяют его. По своей сущности и определению абсолютный объект лежит за пределами любой возможности сравнения и измерения, а следовательно, и за пределами возможности познания. Если, например, характерная черта любого эмпирического знания и сравнения заключается в сведении одного качества к другому, а сравнение элементов происходит через определенные серии операций, т. е. через конечные серии умственных действий, тогда любая подобная редукция окажется несостоятельной в приближении к бесконечному. Дистанция между конечным и бесконечным остается такой же, и совсем не важно, сколько промежуточных терминов можно расположить ме-

жду ними. «По этой причине бесконечное как таковое, ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным»³. Здесь мы видим, что для Николая Кузанского становится невозможным выразить всю полноту познания Бога и мира в терминах схоластической формальной логики, саму сложность противоречивости процесса познания. Для него логика Аристотеля, основанная на принципе исключенного среднего, представляется совершенной лишь в качестве логики конечного. Все ее понятия суть понятия сравнения, покоящиеся на соединении равного и подобного, на разделении неравного и различного. Таким процессом сравнения и различия, разделения и разграничения любое эмпирическое бытие разделяется на определенные роды и виды. Этот порядок воспроизводит иерархию бытия в иерархическом построении понятий. Если данные подобие и различие, согласование и противоположность конечного могут быть поняты в такой форме, то абсолютное и необусловленное лежит вне сравнения, которое невозможно понять в противоречивом построении формальных логических понятий: содержание схоластической мысли противоречит своей форме, они взаимно противоположны. Если возможность мышления, абсолютное и бесконечное должны существовать, тогда такая мысль не может опираться на устои традиционной средневековой логики, которая ведет от конечного и обусловленного к другому конечному и обусловленному и при этом никогда не дает возможности выйти за пределы сферы конечного. «Николай Кузанский предложил оригинальный спекулятивный синтез различных и несоизмеримых традиций мышления: негативной теологии, доктрины *analogia entis*, схоластического энтузиазма позднего Средневековья для актуальных бесконечностей и математических аргументов в теологии»⁴.

Для Кузанца истинная любовь включает познание как необходимое условие и необходимый элемент. Никто не может любить то, что определено не знает. Сама по себе любовь без знания будет невозможна. Если даже простая сущность добра в себе остается недостижимой для знания, тем не менее должно быть побуждение для познания добра. Здесь опять видно, что знание и незнание совпадают и вновь подтверждается принцип «ученого незнания» как «невежественного знания». Необусловленное Божественное бытие, недоступное дискурсивному, логическому знанию посредством понятий в сфере конечно-

³ Николай Кузанский. Соч. Т. I. М., 1979. С. 50.

⁴ *Funkenstein A.* Theology and the Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century. Princeton, 1986. P. 66.

го, требует совершенно нового подхода и иной формы. Истинный орган его понимания — «интеллектуальное видение», где разрешаются все противоположности формально-логических построений. Это «интеллектуальное видение» ведет к простому началу, т. е. к точке, пребывающей вне всяких разделений и антитез. В объяснении значения и цели «интеллектуального видения» Николай Кузанский полагается не только на мистическую форму пассивного созерцания, но и на математику, которую он считает единственно истинным и точным символом спекулятивной мысли, разрешающей противоположности. «Поистине Бог применил при сотворении мира арифметику, геометрию и музыку вместе с астрономией — искусства, которыми и мы пользуемся, исследуя пропорции вещей, элементов и движений»⁵. Кузанец отказывается от схоластической логики, логики общих понятий, и требует новый тип математической логики, который не исключает, а фактически настаивает на возможности совпадения противоположностей и сводимости абсолютно-максимального с абсолютно-минимальным как принципе и необходимом средстве прогрессивного знания; иными словами, где кончается язык математики, там начинается сфера непостижимого, недоступная человеческому уму и знанию. Здесь необходимо отметить, что у Николая Кузанского математика в своей точности и соразмерности предназначена не для обоснования самой себя и даже не для познания исключительно природы, но единственно для познания Бога. «Абсолютный максимум есть то единое, которое есть всё; в нем всё, поскольку он максимум; а поскольку ему ничто не противоположно, с ним совпадает и минимум. Тем самым он пребывает во всем; в качестве абсолюта он есть актуально все возможное бытие и не определяется ничем вещественным, тогда как от него — всё»⁶. В действительности этим суждением Кузанец предпринимает новый, неординарный шаг в теологии, предопределяет выход за границы теоцентрического видения мира и средневекового способа мышления вообще. Сам термин «максимум» не должен вводить в заблуждение, он не создает превосходного отношения для прежнего количественного сравнения. Напротив, данный термин выступает как совершенный антитезис любому возможному сравнению, всякой количественно-последовательной процедуре. Максимум — не количественное понятие, а чисто качественное и представляет абсолютное основание бытия. «Максимумом я называю то, больше чего ничего не может быть.

⁵ Николай Кузанский. Соч. Т. I. С. 140.

⁶ Там же. С. 51.

Но такое приэобилие свойственно единому. Поэтому максимальность совпадает с единством, которое есть и бытие»⁷. Любая операция, рассматривающая количественное, или постепенное, движение, не может заполнить бездну, отделяющую этот первоначальный принцип бытия от эмпирического существования. Любое измерение, всякое сравнение и выражение в форме силлогизма, связывающее ход рассуждений в эмпирическом существовании, также необходимо теряет силу в этой сфере. В эмпирически-обусловленном мире подобное движение может продолжаться бесконечно, но безграничная прогрессия, продолжающаяся бесконечно, не охватывает самого бесконечного, которое в действительности есть абсолютный максимум.

Николай Кузанский не принимает терминологию Священного Писания, проблема Бога у него обретает не столько теологическое, сколько философское содержание. Мы находим у Николая из Кузы соотношение конечного, эмпирического мира вещей с бесконечным, абсолютным первоначалом. Такая постановка вопроса была просто невозможна в предыдущем теоцентрическом миропонимании в пределах средневековой логики и теологии с ее формально-логическим аппаратом и иерархически строго выстроенными понятиями. В отличие от средневекового мышления, постулировавшего трансцендентную инаковость Бога и абсолютную зависимость от Него мира, Кузанец выдвигает иную концепцию бесконечности бытия, где бесконечное «свертывает» все целостное разнообразие вещей в абсолютное единство, а сам мир происходит из этого единства посредством «развертывания», поэтому бесконечность имплицитно присутствует в каждой отдельно взятой вещи и во всех вещах вместе. Следовательно, концепция бесконечного оказывается несовместимой со средневековым учением о трансцендентной инаковости Бога миру. Именно в философии Николая из Кузы осуществляется преодоление фундаментальной установки теоцентрически ориентированного мышления, утверждавшей негативную концепцию бесконечного в доктрине абсолютной трансцендентности Божества.

В представлении Кузанца Бог есть абсолютная бесконечность, абсолютное единство, заключающее в себе в «свернутой» форме неисчерпаемое многообразие существующих вещей. Мир как *explicatio Dei* заключает в себе бесконечное многообразие индивидуальных, конечных вещей, что представляет собой ограничение абсолютного единства максимума; мир существует как производный от Бога и есть не что

⁷ Там же.

иное, как экспликация абсолютного единства, развертывание Божества. Тем не менее абсолютная инаковость Бога миру сохраняется в концепции Николая Кузанского, поскольку Бог есть такое совершенное единство, которое несовместимо с многообразием природных существующих вещей. «Но в качестве абсолютного первоначала Бог есть и всеединство, — и притом в том смысле, что всякое разделение, всякое пребывание вне Его при этом сохраняется, но сохраняется именно внутри самого всеединства: само “бытие-вне-Бога”, — сам момент “вне” и “отдельно” — находится в Боге, как и всё вообще»⁸. Если Бог есть бесконечное, а Вселенная — экспликация Божества, тогда мир беспределен, ничем не ограничен в своем протяжении. Поскольку Бог есть всё и «в едином Боге свернуто все», созданный Богом мир представляет развертывание Божества. «В едином Боге свернуто все, поскольку всё в нем; и Он развертывает все, поскольку Он во всем»⁹.

Подобно тому как число есть развертывание единства, линия — развертывание точки, время — развертывание мгновения, движение — развертывание покоя, весь мир предстает как развертывание собственной сущности, свернутой в Боге. Принцип *explicatio — complicatio*, т. е. возвращение всех вещей в лоно Божественного абсолюта, связан у Николая Кузанского с динамичным пониманием мира как живого, одушевленного организма, где части находятся не только в непрерывной и всеобщей связи, но и в движении. Философ постоянно использует математические иллюстрации в качестве пояснения своей концепции бесконечного единства как совпадения противоположностей.

Вселенная также существует как вечное развертывание Божественного первоначала — абсолютного максимума. «Если мы с тщательным вниманием разовьем открытое нам выше ученым незнанием, то уже из одной той истины, что всё есть или абсолютный максимум, или существует от него, нам может проясниться многое о мире, или Вселенной, которую я считаю максимумом, только конкретно определившимся...»¹⁰ Бесконечное единство демонстрируется разнообразием мира, который является относительно единым и бесконечным, где абсолютная бесконечность Бога непосредственно демонстрируется относительной бесконечностью, что выражается в неограниченной протяженности Вселенной. «Равным образом мир, или Вселенная, есть

⁸ Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 524.

⁹ Николай Кузанский. Соч. Т. 1. С. 104.

¹⁰ Там же. С. 107.

конкретный максимум и, значит, единая цельность, которая предваряет конкретные противоположности (скажем, противопоставленные качества) и конкретным образом есть то, что суть все вещи: определенное начало и конкретная конечная цель вещей, конкретное бытие, бесконечность, определяющаяся в конкретную бесконечность мира. В нем все вещи без множественности суть сам он, конкретно определившийся максимум с относительной простотой и нераздельностью, подобно тому как конкретная максимальная линия есть конкретно все «фигуры»¹¹. Каким же образом появляется Вселенная из абсолютного максимума? По представлению Кузанца (и это близко перекликается с воззрениями Мейстера Экхарта), «Вселенная целиком вышла к существованию посредством простой эманации конкретного максимума из абсолютного максимума...»¹² Вселенная не может существовать без определенных вещей, которые в своей совокупности составляют ее единство и совершенство, следовательно, без конкретных вещей немислима единая Вселенная, а без нее — конкретно определившийся максимум, посредством которого можно помыслить абсолютный максимум. Таким образом решается проблема: Бог — мир — вещь. «Как абстрактное существует в конкретном, так абсолютный максимум мы видим прежде всего в определившемся максимуме, так что во всех частных вещах он пребывает уже в порядке следствия, абсолютным образом пребывая в том, что конкретно определенным образом есть всё. Бог — абсолютная чтойность мира, или Вселенной; Вселенная — та же чтойность как конкретно определившаяся. Конкретность означает определенность во что-либо, скажем, в то, чтобы быть тем или этим. Бог, который един, пребывает в единой Вселенной; Вселенная пребывает в универсальной совокупности вещей, определяясь в них. Таким путем мы понимаем, что Бог, простейшее единство, существуя в единой Вселенной, как бы в порядке следствия через посредство Вселенной пребывает во всех вещах, а множество вещей через посредство единой Вселенной — в Боге»¹³. Как видно из этого высказывания, Вселенная существует только в конкретной определенности вещей и любая конечная вещь, соответственно, имеет в себе вселенское существование и бытийность. «Реальность в ее абсолютности, как вечное и всеобъемлющее единство, из которого впервые возникает или происходит “мировое бытие”, стоит как бы посередине между “эманацией” и

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 109.

¹³ Там же.

“творением” Божества. Она есть Божественное в мировом бытии и одновременно вечно исконное начало мирового бытия в самом Божестве... В этом состоит таинственное, безусловно непостижимое существо “перехода” от Бога к миру, каким бы мы его ни называли...»¹⁴ По представлению Николая Кузанского, Бог пребывает во Вселенной, а следовательно, и в любой конкретной и реальной вещи; всякая же существующая вещь пребывает в Боге через посредство Вселенной. «Поэтому сказать, что каждое — в каждом, значит то же самое, что Бог через всё — во всем и всё через всё — в Боге»¹⁵. Богу как актуальной бесконечности противостоит Вселенная с бесконечно-неограниченным множеством вещей. Представление о Вселенной в философии Кузанца прогипотезовано схоластически-иерархическому порядку мира, где конечный мир ограничен сферой неподвижных звезд, а Земля — центр Вселенной. Бог являет собой средоточие мира, всех сфер и всего того, что существует в мире. Бог есть не только центральная точка Вселенной, но также ее бесконечная окружность, поскольку Его сущность включает в себя все остальные сущности. «Кто центр мира, то есть Бог благословенный, тот и центр Земли, всех сфер и всего в мире; он же одновременно — бесконечная окружность всего»¹⁶. Мир не имеет самостоятельного по отношению к Богу существования и не есть замкнутая фигура с собственной окружностью и центром. «Точной равноудаленности от разных мест вне Бога не найти, потому что только Он один есть бесконечное равенство»¹⁷. Если уподобить мир Богу, «машина мира будет как бы иметь повсюду центр и нигде окружность. Ибо ее окружность и центр есть Бог, Который всюду и нигде»¹⁸. Мир у Николая Кузанского не может быть бесконечным, так как только Бог обладает этой бесконечностью, но в то же время мир не имеет границ: «...если бы он имел центр, то имел бы и внешнюю окружность, а тем самым имел бы внутри самого себя свои начало и конец, то есть мир имел бы пределом что-то другое и вне мира было бы еще это другое и еще пространство»¹⁹. Из принципа зависимости мира от Бога следует беспредельность этого мира: «...хотя этот мир не бесконечен, однако его нельзя помыслить и конечным, поскольку у него

¹⁴ Франк С. Л. Соч. С. 525.

¹⁵ Николай Кузанский. Соч. Т. 1. С. 110.

¹⁶ Там же. С. 132.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 134.

¹⁹ Там же. С. 131.

нет пределов, между которыми он был бы замкнут!»²⁰ Отсюда следует, что Земля не есть центр мира или каких-либо иных сфер. «И как Земля не центр мира, так сфера неподвижных звезд не есть его окружность, хотя при сравнении Земли с небом наша Земля и кажется ближе к центру, а небо — ближе к окружности. Соответственно Земля не есть центр ни восьмой, ни другой сферы»²¹. Такое космологическое построение ведет к тому, что все другие небесные тела, как и Земля, не относятся друг к другу в строго иерархическом порядке, а выступают как прекраснейшие Божественные творения. «Итак, Земля — благородная звезда, имеющая свои особые и отличные от других звезд свет, тепло и влияние, как и любая звезда тоже отличается от любой другой светом, природой и влиянием»²². В космологии Николая Кузанского Универсум растворяется в бесконечном множестве бесконечно различных движений, каждое вращается вокруг собственного центра и все сохраняется вместе как посредством их отношения, так и их участием в одном и том же универсальном порядке; Земля подвижна и имеет сферическую форму, которую можно определить с абсолютной математической точностью. Но поскольку она неспособна достичь полного совершенства геометрического понятия вкуче со всеми иными вещами, существующими в видимой природе, Земля больше не может рассматриваться в качестве низкого и несовершенного. Она есть благородная звезда, ей даны свет, тепло и собственная активность, отличная от активности всех других звезд. Действительно, в целом космосе нет лишней части, каждая имеет свой особенный род активности и, следовательно, собственную несравненную ценность. Отсюда можно понять, почему, с точки зрения Кузанца, новая ориентация в астрономии, приведшая к замене геоцентрического видения мира, была только результатом и выражением совершенно новой интеллектуальной направленности мышления. Бесполезно искать физическую центральную точку мира, ибо он не имеет строго обрисованной геометрической формы, но, скорее, простирается в неопределенность; из этого следует, что он также не имеет локально детерминированного центра. А если вопрос о его центральной точке вообще может быть поставлен, тогда на него невозможно больше ответить физикой, но только метафизикой.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 135.

Идея человечества и конкретного человека у Николая Кузанского неразрывна с целостным фундаментальным принципом «ученого незнания» и строится по аналогии «абсолютный максимум — конкретный максимум». «Если человечество будешь рассматривать в виде некоего абсолютного бытия, ни с чем не смешивающегося и ни во что не конкретизируемого, и рассмотришь человека, в котором это абсолютное человечество пребывает абсолютным образом и от которого происходит конкретное человечество отдельного человека, то абсолютное человечество будет как бы подобием Бога, а конкретное — подобием Вселенной»²³. Эта идея направлена на очерчивание существенного различия между обусловленным и необусловленным, человеческим и божественным, конечным и бесконечным. Человеческая природа оказывается обожествленной и уже поэтому не пребывает в строго определенном иерархическом порядке, а образует «срединную природу», т. е. выступает связующим звеном; совпадение противоположностей находит свое выражение в самой человеческой природе, «...как высшая ступень низших и низшая ступень высших порядков она свернуто заключает в себе все природы...»²⁴. Коль скоро человеческая природа включает в себя в свернутом виде «разумную и чувственную природы» и стягивает в себе всю Вселенную, она есть микрокосм. «Но именно человеческая природа, вознесенная над всеми созданиями Бога и немного уступающая ангелам, свертывает в себе и разумную и чувственную природы, сочетает внутри себя все в мире и за то справедливо именуется древними философами микрокосмом, малым миром»²⁵. Человеческая природа достигает «полноты всех совершенств», или божественности, только будучи в своей цельности, в отдельном же человеке она находится в ограниченном состоянии: «...человек существует только конкретно, поэтому подняться до соединения с максимумом было бы возможно одному, воплотившему в себе всю истину человека. Такой поистине был бы человеком так же, как и Богом, и Богом так же, как человеком, — совершенством Вселенной, имеющим первенство во всем»²⁶. Подобное соединение Божественного и конкретной человеческой природы посредством Бога-человека или человека-Бога, в котором совпадают противоположности, и осуществляется в философии Николая Кузанского. Соединение

²³ Там же. С. 112.

²⁴ Там же. С. 150.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 151.

бесконечного максимума и конечной человеческой природы воплощается в образе Иисуса Христа, Который словно бы оплотняет бесконечное и конечное в единое. И это единство не акцидентальное, а существенное: оно не обозначает просто «совпадение» разделенных в себе вещей, скорее, оно выражает то, что требуется первоначальная и необходимая связь двух противоположных моментов. Это единство должно быть так образовано, чтобы включать и высшее и низшее в их тотальности для того, чтобы через Иисуса Христа «все вещи получили бы начало и конечную цель своего конкретного существования... и исходили бы из абсолютного максимума в конкретное бытие и восходили бы к абсолютному»²⁷. Иисус Христос как максимум низшего и минимум высшего охватывает весь Универсум со всеми его возможными формами и словно бы «осложняет» их в себе. Поскольку Иисус Христос является выражением высшего и наиболее полного совершенства человечества, означает его идею и сущность, включает в себя все вещи, в человеке как микрокосме собираются все линии и отражается весь бесконечный макрокосм. Мотив микрокосма особым образом переплетается с основной идеей христианства. В традиционном средневековом мышлении спасение прежде всего означает освобождение от бренного мира, возвышение человека над чувственным, земным существованием. Если человек как микрокосм включает природу всех вещей, тогда его спасение, возвышение к божественному должно включать возвышение и всех вещей, т. е. ничто не изолировано, не отделено или каким-то образом отвергнуто: ничто не исключается из фундаментального религиозного спасения. Человек не только возвышается к Богу через Иисуса Христа, но и Вселенная искупается в человеке и через него, таким образом преодолевается пропасть между Богом и человеком, между Богом и всем остальным созданием. Гармония мира находит свое непосредственное выражение в человеке — величайшем из Божественных творений, которому суждено познать Бога и созданный Им прекрасный мир. Новая форма космологии, созданная Николаем Кузанским, не только несет в себе физический смысл, но и естественным образом выражается в интеллектуальной и духовной сферах. Как в космическом порядке не существует абсолютного «выше» и «ниже» и никакое тело не находится ближе или дальше от Божественного первоначала — источника бытия, точно так же формируется и новое религиозное отношение, согласующееся с новой формой космологии. Принцип «ученого незнания» ведет к познанию

²⁷ Там же.

не только мира как такового, но в своей интенции устремляется главным образом к познанию Бога. Духовное бытие имеет свой центр в себе, а его участие в божественном состоит исключительно в этом центрировании, в неразстворимой индивидуальности. Индивидуальность — не просто ограничение, скорее, она представляет собой особую ценность, которую невозможно элиминировать. Единое вне бытия можно лишь осознать благодаря этой ценности.

Проследив трансформацию философской мысли Николая Кузанского от традиционного схоластически-теоцентрического представления к новому мировоззрению, которое, еще сохраняя влияние средневековой парадигмы, уже выражает новое понимание, можно говорить, что в философии Кузанца временно гармонизируются теоцентрические и разрушающие средневековый синтез антропоцентрические силы. Мир предстает бесконечным в своей протяженности, а потому всякое представление о центре, безусловно, относительно. Божественное бытие заключает в себе в свернутом виде все многообразие вещей и явлений, включая и человеческую природу, поэтому человек на пути к богоуподоблению есть неисчерпаемая возможность этого бытия. Поскольку мир понимается как *explicatio Dei*, познание этого мира есть путь к познанию Божества, к богоуподоблению. Следовательно, познание природы становится важнейшей задачей в философии, где математика и новая форма логики играют главную роль. Представление о мире постепенно становится аналитической картиной мира и природы, а последние — объектами исследования. Универсум как *contractio Dei* отождествляется с неограниченной протяженностью, поэтому мир становится математической структурой, т. е. Книга природы написана языком математики. Помимо Священного Писания, заключающего в себе откровенное слово о Божестве, существует еще одна демонстрация Бога — Книга природы. При этом каждая индивидуальная вещь уже обладает самоценным онтологическим статусом — происходит разрушение иерархической структуры мира. Любая вещь оказывается понятной, когда в ней словно бы «просвечивает» бытийная форма, т. е. мир можно представить в качестве непрерывного развертывания Божественной сущности, которая раскрывается в каждой вещи, когда та достигает бытийной формы; тем самым осуществляется приобщение вещи к Божественному началу, к абсолютной бесконечности.